
Олег РОМЕНКО

РЕКЛАМЩИКИ

Рассказ

В середине нулевых рынок наружной рекламы в России переживал бурный рост. Вход в этот бизнес не требовал начального капитала, поэтому количество рекламных агентств в нашем городе быстро перевалило за сотню. Вчерашние таксисты, учителя, бухгалтеры, фотографы, домохозяйки и даже недоучившиеся студенты с волчьим блеском в глазах ринулись осваивать перспективную нишу.

Вести такой бизнес было несложно: открыл ИП, взял предоплату с клиента, закупил материалы, нанял рукастых мужиков, выброшенных с развалившегося завода, и вот ты уже не баранку крутишь с замыленными глазами, а предаешься сиесте в своем офисе, закинув ноги на стол, и солнце вращается вокруг тебя.

Конечно, случались накладки. То рукастые мужики оставались без вознаграждения и в качестве компенсации забирали рабочий инструмент у коммерсанта. То заказчик вместо композитной обшивки наружной стены своего магазина и гламурного козырька с объемными световыми буквами получал унылый долгострой. Но это все мелочи жизни. Главное, чтобы деньги упали на твой счет, а лучше в карман. А там — замучаетесь по судам пыль глотать.

Завод-гигант, на котором я еще недавно работал модельщиком, дышал на ладан. Многие цеха, в том числе и наш, закрыли. Пришлось мне искать другую работу, потому что кто-то шибко умный в России решил: «У нас есть нефть, а все остальное мы купим!»

Однажды душным июльским утром я отправился на собеседование в «Дом быта». Это было пятиэтажное кирпичное здание с высоким крыльцом, расположенное в самом проходном месте нашего областного центра.

Внутри «Дома быта» я сначала чуть не потерялся от суеты, царившей в нем. Целеустремленные люди с сосредоточенными лицами пестрым потоком неслись вдоль серых стен по коридору. Все вместе они были похожи на огромную сороконожку, открывавшую сразу множество металлических дверей. В глазах рябило от разноцветных табличек с надписями: «Ремонт обуви», «Нижнее белье», «Аккумуляторы», «Электронный рай», «Химчистка», «Все виды страхования»... Имя им — легион.

У меня был четкий ориентир от директора рекламного агентства «Арлекин» Александра Васильевича Могилевского — «офис 229». Я поднялся по лестнице на второй этаж, предупредительно постучал в дверь, надавил на ручку вниз и толкнул ее вперед.

Офис оказался чуть больше стандартной советской кухни. За маленькими столами, расставленными вдоль стен буквой «П», сидели три человека — мужчина и две женщины. Почти все оставшееся пространство в их каморке занимали холодильник, кулер и лазерный принтер.

Олег Сергеевич Роменко родился в Белгороде. Поэзия и проза публиковались в журналах «Наш современник», «Нижний Новгород», «Север», «Южная звезда», «День и ночь», «Ротонда», «Земляки», «Звонница» и других.

НЕВА 7'2023

За столом напротив двери однозначно сидел тот самый Могилевский, с которым мы недавно общались по телефону и который сразу предложил перейти на «ты».

Это был упитанный человек лет тридцати с пивным брюшком, небритым лицом и длинной пшеничной челкой, которую он откинул пятерней со лба, чтобы лучше меня рассмотреть. В футболке, шортах и пляжных тапочках Могилевский не был похож на директора в моем представлении.

На столе перед ним лежали закрытый ноутбук и пачка «Винстона» с серебристой сувенирной зажигалкой. В левой руке Могилевский держал двумя пальцами пластиковый стаканчик с суррогатным кофейком из ларька. Сделав глоток, директор почмокал губами-варениками и поставил стаканчик на стол. Затем он сложил одну руку на другую, как школьник за партой, и, уставившись на меня серыми подзаплывшими глазами, крикнул:

— Ну, рассказывай! С чем к нам пожаловал?!

Я рассказал, как мы делали на заводе модельную оснастку для машиностроения, чем очень гордились. Потом рассказал, как новые собственники закрывали одно за другим прибыльные производства, решив переоборудовать цеха под складские помещения, а инженерный корпус под торгово-офисный центр. И теперь работы по моей редкой специальности в городе больше нет, а скоро ее не останется в России вообще.

— Жалко, что такие профессии исчезают у нас, — директор опустил глаза, сальный взгляд которых не вязался с попыткой Могилевского изобразить сочувствие на лице.

Я сказал, что работа в наружной рекламе близка работе модельщика, потому что она такая же интересная и нестандартная, требующая творческого подхода и умелых рук, и что мне хотелось бы попробовать.

— Ясно! — кивнул Могилевский, и челка словно срезала половину его лица, оставив только картофельный нос, щеки бурундука и толстогубый ухмыляющийся рот над двойным подбородком директора. — Тогда давай знакомиться!

Он потянулся, хрустнув суставами, широко зевнул, а затем встал и бесстыдно выпятил свое арбузное пузо, обтянутое бело-голубой полосатой футболкой.

— Это Татьяна Михайловна Твердохлебова! — указал левой рукой директор на сидевшую за соседним столом сорокалетнюю крашеную блондинку с болезненно покрасневшими белками глаз, в джинсах и светлой майке. — Она у нас директор по производственной части.

Компаньонка Могилевского даже ухом не повела в мою сторону, вперившись взглядом в монитор своего ноутбука.

— Таню-юш! — укоризненно улыбнулся директор.

— Саш, я занята! — раздраженно огрызнулась Твердохлебова.

— Мариш! — весело окликнул Могилевский сидевшую за его спиной у окна третью обитательницу офиса.

К нам обернулась худенькая остролицая девушка лет семнадцати с плетеными косицами и в очках с большими круглыми линзами.

— Это наш менеджер по работе с клиентами! Марина Александровна Клюева! — глаза директора заблестели, а по лицу расплылась сальная ухмылка.

Менеджер пришибленно хохотнула и отвернулась к окну, где на подоконнике стояли зеленые цветы в глиняных горшках.

— А как насчет денег? — спросил я.

Могилевский сразу помрачнел, а в его печальном взгляде читалось: «А я-то думал, что мы теперь друзья!»

— Да, деньги сейчас самое главное для всех, — грустно усмехнулся директор и снова сел за стол. — Давай так! Первый месяц мы платим тебе пятерку, пока ты учишься, а потом будешь получать десятку, как наш паренек-монтажник.

— Саш! — вскричала, как ошпаренная, Твердохлебова. — Давай выйдем на пару минут!

Пошущукавшись пять минут в коридоре, они вернулись и расселись на свои привычные места.

— В общем, первый месяц — четыре, второй — пять, а дальше посмотрим, — скривил кислую мину Могилевский, глядя на меня страдальческим взглядом человека, с которого живьем сдирают кожу.

— Это как-то совсем уныло, — огорчился я.

В дверь постучали, и в офис заглянул сухощавый пожилой мужчина в темных очках, лицом похожий на Андропова.

— Ребят, у меня к вам просьба! Выслушайте, пожалуйста! У нас дом в Стрелецком сгорел! Если есть возможность, помогите! — и, обратив внимание на мой опечаленный вид, как на похоронах, мужчина добавил: — Может, я не вовремя зашел? Извините!

— Ой, не вовремя вы зашли, мужчина! — тяжело вздохнул Могилевский, откинувшись на спинку стула и закатив глаза в потолок. — Ой, не вовремя!

Человек, похожий на Андропова, еще раз извинился и скрылся за дверью.

— Смотри сам! — опустил глаза Могилевский. — Никто тебя не неволит. У нас не крепостное право.

В тот момент только сюда требовались рекламщики без опыта работы, поэтому я решил попробовать.

— А можно посмотреть вашу мастерскую? — спросил я.

— Да не вопрос! — оживился директор. — Спустишься на первый этаж, выйдешь во внутренний двор и там увидишь второй гараж слева от себя. Посмотри, попробуй! Раньше сядешь — раньше выйдешь!

Через минуту я вышел во двор под палящее солнце. Только в одном из пяти гаражей, возле которого стояла бордовая «четверка», была распахнута настежь дверная калитка. Этот черный прямоугольник в воротах посреди залитой солнцем раскаленной асфальтовой пустыни навевал приятную прохладу.

Но заскочив в спасительный сумрак, я остановился на пороге гаража, чтобы осмотреться. И правильно сделал, потому что правее от меня зияла смотровая яма глубиной с человеческую могилу. За ней до самой стены тянулся стол в виде листа ДСП три на два метра, накинутаго сверху на сварной металлический каркас с четырьмя ножками.

Над столом были закреплены две люминесцентные лампы, одна из которых моргала. А на самом столе грудой лежали вырезанные из акрила и обклеенные пленкой бирюзового цвета объемные буквы с окантовкой из пластика. К стенам тулились большие обрезки листов ПВХ, поликарбоната, оргстекла, оцинковки. В дальнем углу находился картонный короб, из которого торчали плотно притиснутые друг к другу тонкие рулончики самоклеящейся пленки всех цветов радуги.

Прямо передо мной на хлипком офисном стуле с разъехавшимися ножками сидел, согнувшись вдвое, высокий худощавый паренек лет двадцати в черных джинсах и зеленой клетчатой рубашке с короткими рукавами. Уперевшись левым локтем в колено, а виском в запястье, он смотрел в пол невидящими глазами. Тяжело дыша, он часто затягивался сигаретой с такой силой, что на щеках появлялись глубокие, как колодцы, ямки.

За спиной паренька на столе мерцал старенький монитор, на экране которого отображалось меню музыкального проигрывателя. Из колонок по гаражу разносился душещипательный голос, пробирающий до першения в горле и чесотки в глазах: «Там под окном зэка. Проталина тонка. И все ж ты недолга, моя весна...»

— Привет! — поздоровался я с незнакомцем.

Паренек распрямылся и посмотрел на меня. У него были неуклюжие длинные руки и ноги, впалая грудь, узкие плечи и смазливое лицо метиса. В его облике над европейскими чертами явно преобладали восточные, скорее кавказские.

— Здорово, если не шутишь! — насмешливо откликнулся паренек.

— Ты монтажник? — спросил я.

— Я начальник цеха наружной рекламы! — обиженно, как детсадовец, надул губы он.

Мы быстро поладили с Саньком Рукавицким. Он оказался довольно говорливым пареньком. Чтобы завоевать его расположение, достаточно было не мешать ему изливать свой поток сознания.

Саньку был двадцать один год, на семь лет меньше, чем мне. Недавно Рукавицкий пришел из армии, устроился официантом в ресторан и через полгода женился на забеременевшей от него коллеге. Сейчас у них маленькая дочь, которая очень мешает Саньку спать по ночам. Работать в таких злых местах, как бары, кафе и рестораны, жена Рукавицкому категорически запретила, поэтому он и оказался у Могилевского.

Голос из колонок теперь звучал развязно и нагло: «Давай, давай, красючка! Не в кредит танцуешь — новыми пятачками плачу!»

— Васильич — лох! — соловьем заливался Рукавицкий. — Он всю жизнь поднимал чужие бизнесы. Сначала Липатова, потом Зайцева, потом Корнейчука. Как только у этих коммерсов все налаживалось, они давали ему пенделя. От него жена с двумя детьми ушла, потому что он деньги в игровых автоматах просаживает!

— А сейчас? — забеспокоился я.

— Видел в офисе стерву крашеную?

— Твердохлебову? — уточнил я.

— У нее муж бандит! Тачками занимается! — продолжал тараторить Рукавицкий. — Она двух бандюков родила, а сидеть с ними не хочет. Бизнес-вумен решила заделаться. Твердохлебов Васильичу плоттер подарил и жену свою в компаньонки пристроил. Так что у них все фифти-фифти.

А голос из колонок все подзуживал: «Ты ж ножками, ножками давай! Душа за Россию болит!»

— Ха! С...! — переключился на проигрыватель Санёк. — Душа у него за Россию болит! Ты веришь ему?! А знаешь еще что?!

— Что? — стараясь не потерять самообладания, эхом отозвался я.

— Видел там, чахленькое тельце у окна сидит? Маришка! Она спит с Васильичем! — тихо воскликнул он. — Девочка окончила ПТУ на кассира, живет с мамой в общеаге, для нее даже такой лошок, как наш шеф, — предел мечтаний!

— Да он же раздавит ее? — не поверил я.

— Ну, позы разные бывают, — усмехнулся Рукавицкий. — А знаешь, сколько она получает? Де-сят-ку! Как и я!

— Поздравляю! — пошутил я.

Самопровозглашенный начальник цеха вскочил со стула и стал нервно загибать пальцы:

— Вот смотри! Я — монтажник! Я — макетчик! Я — сварщик! Я — водитель!

Последний оставшийся не загнутым большой палец нервно вибрировал, потому что Рукавицкий не мог придумать ему профессию.

— Кто еще я?! — спросил он себя и завис.

— Начальник цеха наружной рекламы, — подсказал я.

— Ну! Во! — обрадованно собрал все пальцы в кулак Рукавицкий. — Я все умею, а получаю, как Маришка! Разве это справедливо!

— Это суперсправедливо! — с серьезным видом возразил я. — Ты с Васильичем не спишь, а получаешь, как особа, приближенная к телу директора.

— Ха! — вытаращился на меня Санёк. — Ну ты приколист! С Васильичем спать, конечно, не сахар! А вот поехали со мной на монтаж и узнаешь, как мне эти деньги достаются!

— Да поехали! — почему-то после слива такого забористого компромата гаражным человеком на обитателей офиса 229 мне стало бесшабашно весело на душе.

— Я сейчас! — обрадовался Рукавицкий. — Только за кофейком в ларек сбегая, и поедем!

Он бодреньким живчиком направился к выходу, но тут же был отброшен назад, словно взрывной волной.

— Санё-ёк! — заорал вломившийся в гараж, будто пират на судно, Могилевский. — Что ж ты такой широкий, как шкаф! Не объедешь тебя!

— Саш! Ты сам на меня наскочил! — возмутился монтажник.

— А что ты здесь делаешь! — разошелся, пыхтя и размахивая руками, директор, отчего челка у него трепетала, словно занавеска от ветра у раскрытого окна. — Одиннадцать часов, Санёк! Ты давно должен быть на монтаже!

— Саш, да собираюсь я! Главное, чтобы ничего не забыть! — защищался Рукавицкий.

— А я не вижу, чтобы ты собирался! — Могилевский куражился над единственным работником, как дембель над новобранцем.

— Саш, а можно мы с Олегом поедем на монтаж? — робко спросил Рукавицкий.

— Санёк! — театрально прижал растопыренную ладонь к груди Могилевский. — Езжай, с кем хочешь! Только езжай поскорее, родной!

Директор упорно игнорировал мое присутствие, словно актер в театре. Видимо, он принадлежал к числу тех расчетливых психопатов, которые любят устраивать ролевые игры с партнером номер два при свидетелях.

— Давай загрузим эту шняжечку в машинку, — сказал мне монтажник, показывая взглядом на буквы на столе, — а потом вот этот шаблончик, ящичек с инструментами...

— Санёк! — ехидно усмехнулся директор. — Возьми еще дрельку, сверлышки, саморезики... Сань, ты вообще кто?! Мужик или баба?!

— Саш, — опустил глаза Рукавицкий, — ты же знаешь.

— А чего ты тогда канитель развел?! — продолжал быковать Могилевский. — Быстро собрал всю эту хрень, и чтобы через пять минут ты был на «Мойдодыре»!

Быстро загрузив все в машину, на крыше которой была закреплена серебристая монтажная лестница, мы выехали с территории «Дома быта» и повернули налево по Преображенской.

— Давай сначала на пляж! — предложил Рукавицкий.

— А разве так можно? — удивился я, глядя на календарик 2006 года под лобовым стеклом.

— Вот за это я и люблю работу в маленьких конторах! — как бывалый, усмехнулся юный монтажник. — Здесь ты сам планируешь свой рабочий день.

— А вдруг он проверит? — возразил я. — Ему пешком через дворы десять минут пройти до «Мойдодыра».

— Я тебя умоляю! — рассмеялся Рукавицкий. — Этот батончик-тритончик выползает из своей пендюрки только за кофейком в ларек.

Светофор на перекрестке моргнул зеленым глазом и вместо того, чтобы повернуть налево к магазину бытовой химии «Мойдодыр», открывшемуся возле остановки «Стадион», мы помчали прямо по главной улице к железнодорожному вокзалу, за которым находился городской пляж.

Улица Преображенская, бывшая Коммунистическая, действительно преобразилась. Фасады домов вдоль дороги подкрасили, тротуары замостили плиткой, разбили

цветники, за что горожане стали называть свой город «цивильным». Но мы с Рукавицким больше всего обращали внимание на рекламные конструкции.

Еще недавно было нормой увидеть вместо вывески кусок ДСП, на котором через трафарет было намазано краской «Одежда» или «Продукты», но теперь это стало считаться дурным тоном. Коммерсанты стремились поскорее избавиться от своего темного прошлого, когда они на базарах спекулировали «ножками Буша», и внести в наружный интерьер своего бизнеса респектабельность и солидность. Поэтому они стали заказывать световые короба, объемные буквы, неоновую подсветку. Да и названия для своих магазинов и фирм стали выбирать не абы какие, а помесь английского с обоянским.

Пока мы ехали к вокзалу, Рукавицкий заделался гидом, рассказывая, какое рекламное агентство оформляло тот или иной магазин, попадавшийся нам на пути. Раз нам повстречались зодчие наружной рекламы. Красные, как вареные раки, все с голым торсом, они присверливали к стене дома большой баннер «Израильская косметика и космецевтика».

— Жалко пацанов, — вздохнул Рукавицкий. — В жару на монтаже работать, семь потов сойдет. А мы сейчас освежимся, ты мне потом еще «спасибо» скажешь.

Я спорить не стал. Напарник хоть и показался мне со странностями, но жить красиво умел, совмещая работу с пляжем.

На пляже было полно народу, как будто в выходной день. Пищали дети, кричали чайки, взрослые плавали и загорали, ветер разносил едкий запах креозота.

Накупавшись от души, мы с напарником присели обсушиться на лавочку, где лежали наши вещи. Безмятежный покой нарушил телефонный звонок. Рукавицкий вынул из кармана рубашки свой кнопочный телефон и ответил на вызов.

— Але, Санёк, ты где? — быстро проговорил Могилевский.

— Саш, я на монтаже, — невозмутимо ответил Рукавицкий.

— Что ты сказал, Санёк?! — с деланным изумлением вскричал директор. — Подожди, я сейчас ухо ближе к трубке приложу. Скажи еще раз, чем ты сейчас занимаешься, Санёчек?!

— Саш, да хорош прикалываться! — возмутился мой напарник и зашевелил зарывшимися в песок ступнями, отчего мне показалось, что сейчас из этой кучи песка выглянет мордочка крота. — Я на лестнице висю! Сейчас грохнусь вниз, будешь мне потом производственную травму оплачивать!

— Саня, Саня, Саня! — одновременно умоляющим и угрожающим шепотом протараторил Могилевский. — Остановись, Санёк, а то я сейчас тоже что-то не то начну говорить!

— Саш, да послушай! — обиделся Рукавицкий.

— Знаешь, где я сейчас нахожусь, Санёк?! — оборвал его Могилевский. — На объекте! Рядом со мной наш уважаемый клиент, директор магазина «Мойдодыр»! И ни тебя, ни лестницы, ни машины я не вижу на горизонте! Ты где, Санёк?! Покажи личико!

— Саш, послушай! — хрипло проговорил Рукавицкий, от волнения кровь ударила ему в голову, и лицо потемнело. — Мы забыли саморезы и отъехали до магазина. Через пять минут будем, Саш!

— Санёк! У тебя пять минут, — тихо прорычал Могилевский. — Все! Давай!

— Зачем ты ему сказал про пять минут? — спросил я.

— А что бы ты сказал? — тупо уставился на меня напарник.

Пока мы дошли до вокзала, где припарковали машину, прошло пятнадцать минут. Потом мы не спеша цедили холодный и резкий квас, словно это было наше последнее желание перед казнью. А как только сели в раскаленную на солнце «четверку», раздался звонок.

— Это опять Васильич! — с глупым удивлением на лице повернулся ко мне напарник. — Черт! Что ему сказать?!

— Скажи, что мы в пробке стоим на Богданке, — посоветовал я.

Рукавицкий нажал кнопку, и мы услышали глухой голос перебесившегося человека, у которого уже зла не хватает:

— Где ты, гнида?

— Саш! — истерично-радостно взвизгнул напарник. — Мы в пробке стоим!

— Клиент от нас ушел, — глубоко вздохнул Могилевский. — Ты понимаешь, что это значит?

— Понимаю, — весь сразу осунувшись, угрюмо ответил Рукавицкий.

— Меня из-за тебя с... назвали, — отрешенно продолжал директор. — Ты слышишь меня?

— Слышу, — все так же угрюмо ответил монтажник.

— Я тебя ненавижу! — отчеканил Могилевский и сбросил вызов.

— С... его назвали! — с досады бросил телефон в бардачок Рукавицкий. — Как будто это в первый раз!

— Уволят теперь? — с сожалением спросил я.

— Ха! — зло усмехнулся напарник. — Пусть сначала зарплату, что задолжал за два месяца, заплатит, а потом увольняет.

Рукавицкому этот инцидент действительно сошел с рук, но аукнулся позже, когда Могилевский и Твердохлебова задолжали ему уже за три месяца. А пока мы с напарником трудились в гараже не покладая рук. Хотя магазины на центральных улицах уже имели кричащие по последнему писку моды вывески, но для агломерации в полмиллиона человек работы оставалось непочатый край. Тем более что к нам ехали предприимчивые северяне и южане, которые открывали новые торговые точки.

Мы с Рукавицким клепали баннеры и штендеры, клеили таблички и стенды с карманами из оргстекла, варили козырьки и собирали световые короба, крепя лампы в шахматном порядке. Тяжелее всего нам давались объемные буквы. Бортики из пластика, которые клеились по контуру буквы к ее лицевой акриловой основе, для размягчения и придания им гибкости разогревались феном, отчего ядовитые пары немецкого суперклея больно били по глазам, если вовремя не отвернешься.

Вдохновлял нас на ударный труд орущий на весь гараж проигрыватель. Не зря говорят: «Нам песня строить и жить помогает», но — «когда б вы знали, из какого сора...» Каждый день звучали одни и те же блатные песни. Начинал Шунт: «Нам не страшен вертухай! Взял кредит — не отдавай!» Потом подхватывали «Воровайки»: «Пока нами правит базарная власть, девчонкам-воровкам найдется украсть». А затем феерил Круг: «В Лазурном шум и песни, и там братва гуляет, и не мешают мусора».

Неудивительно, что после такой психической обработки шансоном Рукавицкий нередко в конце дня с недоумением озирал гараж и вслух спрашивал самого себя:

— И что я здесь забыл? Вроде не на помойке себя нашел?

Я старался отвлекать его от скользких, антисоциальных мыслей личным примером в работе. Глядя на меня, напарник тоже стал шустрее двигаться. Более того, чтобы не терять время на зализывание ран, неизбежное в нашем деле при работе с макетным ножом, Рукавицкий заклеивал порезы на руках суперклеем. Это был старый метод, опробованный американскими медиками еще во время войны во Вьетнаме, позволивший уменьшать потери и скорее возвращать солдат в строй.

Могилевский раз пять за день заходил в гараж, потирал руки и весело ухмылялся. Почти всегда он поддразнивал Рукавицкого, при этом словно не замечая меня.

— Са-анёк Рука-авицкий! — эксцентричным тоном однажды начал он. — Скажи, Санёчек, твои предки, наверное, рукавицы шили?

— Может быть, — настороженно ответил напарник.

— На зоне! Ха-ха-ха!!! — живот у директора подпрыгивал от хохота, как лягушка.

— Ой, Саш! — игриво кокетничал глазами Рукавицкий. — Я помолчу, чем твои предки занимались!

— Балбес ты, Санёк! — беззлобно ответил Могилевский, видно, у него была домашняя заготовка на этот счет. — Мои предки — белорусы! Город Могилев! Слышал про такой? Или у тебя кол по географии был? А, Санёк? Признавайся!

В целом работа в гараже мне нравилась, и протекала она без эксцессов, а вот с монтажами постоянно происходили казусы. Видимо, потому, что выпустить Рукавицкого из гаража — это как рыбу выбросить в реку.

Однажды мы должны были поехать на Спортивную, чтобы закрепить на киоске возле рынка маленький световой короб с надписью «Хлеб». Но напарник-авантюрист имел другой план:

— Давай сначала на Крейду быстро смотаемся, мне надо с бандюками одно дельце перетереть!

Через двадцать минут мы тормознули на каком-то пустыре в полуразрушенной промзоне на Константина Заслонова.

— Если боишься, можешь остаться в машине, — снисходительно усмехнулся Рукавицкий.

В моем воображении сразу нарисовалась такая картина: сначала бандюки на моих глазах «пришьют» Рукавицкого, как Шукшина в «Калине красной», а потом изрешетят пулями машину Могилевского, чтобы не оставлять свидетелей.

— Знаешь, — ответил я, — если бы у Васильича была не «четверка», а «тридцать-четверка», я бы остался, а так пойдем вместе.

Когда мы вылезли из машины, навстречу нам от гаражей уже шел парень лет двадцати пяти в серой футболке, черных трико, с бритым черепом и острыми злыми глазами. Он хлестко поздоровался ладонь в ладонь с Рукавицким и испытующе посмотрел на меня, а потом снова на Саньку, словно спрашивая: «Мента привел?»

— Это мой напарник, — сказал Рукавицкий.

— Ты все там же работаешь? — спросил бандюк.

— Ну да.

— Сколько тебе платят?

— Десятку.

— Не густо. У нас пацаны в бригаде сорокет вытягивают. Давай к нам!

— Да не могу я сейчас. Малая часто болеет, с ней сидеть надо.

— Ну, смотри.

Рукавицкий протянул бандюку длинную табличку, обмотанную стрейч-пленкой, а тот сразу принялся срывать обмотку. На синей табличке крупными белыми буквами значилось: «Автосервис». Суровый парень дал Рукавицкому пятьсот рублей и на прощание напомнил:

— Если что, мы готовы взять тебя в долю!

Когда мы обратно сели в машину, напарник первым делом глубоко выдохнул:

— Пошел ты на фиг со своим сорокетом! Я не хочу, чтобы мой ребенок рос без отца, пока я буду на зоне чалиться. У Васильича надежней и безопасней, правда?!

— Да не поминал бы ты его, — едва успел сказать я, как у Рукавицкого зазвонил телефон.

— Але, Санёк! Только не рассказывай мне, что ты сейчас на монтаже!

— Саш! — радостно взвизгнул Рукавицкий, как собака, услышавшая голос любимого хозяина. — Я скоро буду на объекте! Ты только не уезжай! Я уже на Щорса!

— Да не суетись, Санёк! — захохотал Могилевский. — Я сейчас в офисе. Просто я знаю тебя как облупленного. Ты вечно болтаешься, как «оно» в проруби, лишь бы не работать. Полгода уже воспитываю тебя, Сань, а ты не меняешься. И как мне с тобой быть?

— Саш, я через пять минут буду на месте!

— Чтоб через две минуты висел у меня на лестнице и долбил крышу перфоратором, дятел, ясно тебе?! — заорал Могилевский и бросил трубку.

— Маришку свою поучи щи варить, воспитатель хренов! — закричал в ответ Рукавицкий после того, как услышал в трубке короткие гудки.

Потом всю дорогу и даже когда мы устанавливали световой короб на крыше киоска, напарник продолжал бухтеть:

— Я их всех кормлю, а они мне гадят! Надо пожестче с этими офисными, — тут он употребил неприличное слово, которое я заменил на политкорректное, — геями! Надо их всех на колени ставить! И Васильича, и Михаловну, и Маришку!

Вскоре ему предоставилась возможность проявить себя во всей красе. Я отработал месяц без зарплаты, а Рукавицкому задолжали уже за три.

Однажды бархатным солнечным утром на исходе лета мой напарник метался по гаражу, как зверь в клетке. Первой из начальников в тот день приехала Твердохлебова в маленьком голубом «пежо». Только она лениво вылезла из машины, шурясь красными от недосыпа глазами, как к ней тут же подскочил с челобитной Рукавицкий:

— Татьяна Михайловна! Мне деньги нужны!

— Саш! Мне они тоже нужны! — Твердохлебова дала понять, что не на ту напал.

— Мне семью кормить нечем! — рыдающим голосом убеждал Рукавицкий.

— Саш! А давай я тебя усыновлю! — насмешливо прыснула Михаловна. — Если ты не способен решать свои проблемы — ты не мужчина! Нет, правда, давай я тебя усыновлю.

— Отдайте мне мои деньги!

— А что ты сделал, Саш? За что тебе платить? Ты забыл, как мы с Александром Васильевичем тебя все лето на пляжах отлавливали?

— Это было один раз!

— Саш, не морочь мне голову! — скривилась директриса и посмотрела в сторону «Дома быта». — Денег у меня нет. Иди работай.

Через десять минут подъехали Васильич с Маришкой на «четверке». Маришка сразу побежала в офис, а директор зашел в гараж поздороваться:

— Привет, Санёк!

— Саш, — понуро опустил голову Рукавицкий. — Тут такое дело...

Могилевский пятой точкой почувствовал, что сейчас речь пойдет о деньгах. Он тоже опустил голову, сунул руки в карманы, как гопник, и хрипло выдал из себя:

— Ну, говори...

— Саш, мне деньги очень нужны! У меня с женой нелады... — начал канючить Рукавицкий.

— Санё-ёк! — мрачно заревел Могилевский.

— Саш... — попытался вклиниться Рукавицкий.

— Санё-ёче-ек! — еще громче проревел директор. — Послушай, родной! Все беды из-за баб!

— Саш, да я понимаю, но мне нужны... — попытался перевести разговор в конструктивное русло Рукавицкий.

— У меня у самого два таких, как ты, пацана подрастают! Как они будут жить, мне даже страшно подумать об этом, Саня! — закатил глаза вверх Могилевский, неравномерно хватая воздух, как астматик. — Все беды из-за баб!

— Саш, да послушай! — чуть не плача, пытался достучаться до него Рукавицкий.
 — Знаешь что, Санёк! — глаза директора весело заблестели. — А пойдём, я тебя кофейком угошу в «Оранжевом острове»!
 — Саш, у меня семья! — на грани истерики вскричал монтажник.
 — Послушай, Санёк! — ободряюще тронул Могилевский Рукавицкого за плечо. — У всех нас есть проблемы. Если все, что у меня в голове, слить в твою голову, знаешь, что с тобой будет, Санёк?! Ты с ума сойдешь! А я живу с этим! Вот так-то! Пойдем кофе пить!

Директор захватил обезволенного монтажника за шею сгибом локтя, пригнул вниз и потащил, как лиса куренка, за собой к ларьку.

В гараж Рукавицкий вернулся совсем расстроенный и сказал, что на деньги можно не рассчитывать. Могилевский объяснил ему, что Твердохлебова собирается в Таиланд, но муж дал ей денег в обрез, чтобы она не позволила себе ничего лишнего. Тогда Михаловна попросила Могилевского занять денег у ее мужа якобы на нужды фирмы, а потом эти деньги тайком передать ей. А на днях Рукавицкий сам стал свидетелем сцены в офисе, устроенной бывшей сотрудницей, которую сменила Маришка. Беременная девушка, уволившаяся полгода назад, требовала расчета и грозила судом. Могилевский побежал в ломбард и заложил ноутбук, чтобы погасить долг по зарплате.

— Ну вот! — сказал я. — Нашел же он выход из положения! Пусть возьмет кредит и заплатит нам положенное! Мы честно работали и не виноваты, что эти сволочи живут не по средствам.

— Как же, возьмет он! — криво усмехнулся Рукавицкий.
 — Ты же сам говорил, что надо с ними пожестче! — не отступал я.
 — Ну?
 — И что надо их на колени ставить!
 — Ну?
 — Давай завтра не выйдем на работу!
 — А если уволят?
 — Так твое положение хуже безработного! Тот дома сидит без денег, а ты мало того, что без денег, так еще и работаешь задарма.

— Ну да, ты прав! — согласился напарник.

Утром в десять утра, когда я выспался и не торопясь завтракал, мне позвонил радостный Рукавицкий:

— Приезжай на работу! Васильич нам зарплату выдаст!

Через полчаса я был на месте. Могилевский сидел в углу, боком к мерцающему в полумгле монитору, вытянув ноги перед собой. Правая рука его лежала на столе вдоль клавиатуры, а ладонью левой он уперся в колено. Голова директора была наклонена вниз, а лицо искривилось так, что можно было подумать, будто у него сердце расшалилось. Поза называлась — «довели человека».

А Рукавицкий тем временем беспокойно расхаживал по гаражу, как курица в ожидании корма. Заметив меня, он раскудахтался, замахав руками, как крыльями:

— Ну наконец-то, мы тут уже заждались...

Могилевский выпрямился, смахнул пальцами челку со лба и вынул из кармана шорт свернутую пополам стопку зеленых купюр.

— Ну приступим, — страдальчески вздохнул директор. — Только сразу предупреждаю! Тебе, Санёк, пока за один месяц могу отдать.

— Ну хоть так, — охотно согласился Рукавицкий.

Могилевский снова опустил голову, и челка опять упала ему на глаза, что несколько не мешало подсчету. Директор с закрытыми глазами тщательно мусолил двумя пальцами каждую купюру, а его пухлые губы еле слышно шептали:

— Пять, шесть, семь...

Мне казалось, что легче из камня выжать воду, чем добиться денег от Могилевского. Но нам удалось это, и настроение было приподнятое, несмотря на то, что зарплата Рукавицкого была похожа на пенсию, а моя на стипендию.

— Ну что? Вы будете работать дальше? — неуверенно спросил директор.

Мне хотелось сказать: «Ты бы деньги платил людям нормальные, и не возникало бы у тебя глупых вопросов».

— Да, сейчас начнем, Саш, — заверил Рукавицкий.

— Санёк! — поморщился Могилевский. — Я не про сейчас, а вообще.

Тут мы оба промолчали. Этот вопрос был еще глупее первого. Вроде пресловутого стандартного вопроса на первом собеседовании: «Кем вы видите себя в нашей компании через пять лет?»

— Ясно! — с кряхтением поднялся, держась за поясницу, директор.

Когда он вышел, я спросил напарника:

— Почему твой Васильич не пострижется нормально? Вечно волосы на глаза лезут.

— Он такой же мой, как и твой, — немного обиделся Рукавицкий. — А ты не в курсе, что он фанат «Мумий Тролля»? Это он под Лагутенко косит и носит длинную челку.

— Никогда не видел фанатов «Мумий Тролля». Я думал, таких идиотов не существует в природе.

— Один из них только что вышел отсюда, — хохотнул напарник. — Хорошо, хоть деньгами подогрел. До сих пор не верится.

Михаловны в этот день уже не было с нами. Она улетела в Таиланд, и эти две недели без нее были самыми светлыми за все время моей работы в этом рекламном агентстве. Я, конечно, не согласен с Васильичем, будто «все беды из-за баб». Обычно так говорят думающие, что «бабы еще нарожают», но то, что все беды «Арлекина» связаны с Михаловной, для меня было очевидно.

После ее возвращения каждую зарплату приходилось выбивать с боем. Твердохлебова истерила и костерила нас на чем свет стоит. Меня попрекала, что они с Васильичем, добрые души, повысили мне оклад с четырех до пяти тысяч. Тошно было слушать такое, когда средняя зарплата по городу была десять тысяч.

Сущность Михаловны была такова, что если она зажала в кулаке нашу трудовую копейку, то разжать ей пальцы, фигурально выражаясь, можно было только гвоздодером. Каждый такой «разговор о важном» заканчивался отвратительной нервотрепкой, и у меня крепло желание поскорее уйти оттуда. Но в конце года случилось чрезвычайное происшествие, из-за которого мне пришлось немного задержаться.

Однажды в начале декабря мы с Рукавицким сидели в натопленном гараже и потихоньку клеили таблички для прокуратуры. Покойный Круг ублажал напарнику слух: «А сечку жрите, мусора, сами...» И тут к нам влетел взбудораженный Могилевский, весь красный, со вздувшимися жилами на шее:

— Собирай манатки, Санёк! На зону поедешь!

— Ты чего, Саш?! — не поверил, но испугался «сглаза» Рукавицкий.

— Помнишь, ты в мае козырек со световым коробом в автомагазине на Волчанской вешал? — учащенно сопел директор.

— Помню, — ничего не понимая, широко раскрыл глаза Рукавицкий.

— Мне сейчас директор магазина звонил! — пылал гневом Могилевский, безуспешно пытаясь смахнуть прилипшую ко лбу челку. — Ты девочку чуть не убил!

— Какую девочку?! — одревеневшим ртом промямлил Рукавицкий.

— Менеджера! Девочка после перекура едва заскочила в магазин, даже дверь за собой не успела закрыть, а у нее за спиной козырек наземь рухнул, а на козырьке вот такая глыба льда! — Могилевский, насколько мог, широко развел в стороны руки, ко-

торые у него тряслись. — Девочку всю трясет! Она до сих пор в себя прийти не может! Директор рвет и мечет! Я пообщался со своим адвокатом, хана тебе, Санёк!

В гараж зашла Михаловна и глумливо усмехнулась:

— Я же говорила тебе, Саш, давай я тебя усыновлю. Ты ведь еще и не жил, а уже вышел весь. А ты подумал, как твоя дочь без отца теперь будет расти?

— Да вы чего, Татьяна Михайловна! — фальцетом закричал Рукавицкий и вскочил со стула.

— Да ты сядь, Санёк! — подхватил тональность Михаловны Могилевский. — Тебе теперь долго придется жить в положении сидя. Не зря ты все это время блатные песенки слушал, весь их жаргон выучил, не зачмыришься на зоне.

— Саш, да ты чего, — поплыл Рукавицкий.

— Хотя постой, Санёк! — как громом пораженный, с ужасом на лице застыл Могилевский, театрально обхватив голову руками. — Ты же у нас красючка! Не свезло тебе, братан! Не родись красивой, а родись счастливой! Не ходишь тебе на зоне в блатных! Знаешь, что там с тобой сделают?

Рукавицкий безмолвно смотрел на своего мучителя выпученными глазами, полными слез. А Могилевский, набрав в легкие побольше воздуха, взялся кончиками пальцев за концы невидимой юбки, слегка поклонился, приподнял руки повыше, а потом поскакал и запел:

— Александра! Александра!

— Саш, да харэ! — взвизгнул насмерть перепуганный монтажник.

— Что, Санёк, не нравится?! А ты подумал о деловой репутации нашей фирмы? Если по городу пойдут слухи, кто потом еще хоть раз из наших клиентов обратится в «Арлекин», узнав, что здесь орудуют монтажники-убийцы!

— Саш, да ты скажи, что делать надо! — в отчаянии вскричал Рукавицкий, ослепший от слез, он пытался ухватиться за директора, чтобы обрести точку опоры.

— Отстань! — обернулся Могилевский. — И слушай! Директора магазина я уболтал, мы все переделаем за наш счет, но чтобы больше без косяков у меня!

— За свой счет переделывать будешь, — прошипела Рукавицкому Твердохлебова с красными глазами, высунувшись из-за спины Васильича, как змея из корзины факира.

— Но только быстро, Санёк, пока он не передумал. Сейчас едешь на Волчанскую, забираешь козырек с коробом, заметаешь следы преступления, а завтра утром новый козырек должен уже висеть на месте! — напутствовал Могилевский. — Хоть всю ночь сегодня в гараже ночуй, а сделай! Даю тебе шанс!

Не теряя лишнего времени, мы с Рукавицким сели в «четверку» и выехали на место происшествия. Всю дорогу меня занимал вопрос: как на козырьке могла оказаться глыба льда? Напарник рулил на автопилоте в расстроенных чувствах и ничего не смог мне объяснить.

На месте все выяснилось. Перед входом в Т-образное строение барачного типа, где находился автомагазин, на расколотой плитке лежал сварной козырек, изнутри обшитый оцинковкой и по стыкам запаянный герметиком, но без крышки для слива. Иными словами, это была «ванночка», в которую собиралась дождевая вода. Зимой вода обледенела, и козырек сорвался вниз с джокерных труб, на которых он держался только за счет хлипких саморезов. Это действительно была глыба льда, способная убить человека, и не одного.

Потрясенные каждый по-своему, мы с Рукавицким стояли молча у разбитого козырька. Только я снял шапку проветрить голову, как дверь магазина открылась, и оттуда выглянула девушка, похожая на Маришку. В ее глазах читалось: «Убивцы вы

наши!» Наверное, это была та самая, потому что она отчаянно пискнула и убежала, хлопнув дверью.

— Как же ты до такой конструкции додумался? — спросил я Рукавицкого.

Он ответил, что хотел предоставить клиенту сервис по высшему разряду. Обычно с козырька вода стекает и заливает крыльцо, что очень мешает покупателям при входе в магазин. А вот если вода будет собираться в герметичной «ванночке», а потом испаряться под лучами солнца, то люди не ощутят последствий погодных неудобств. О том, что вода на улице зимой превращается в лед, Рукавицкий не подумал.

Мы отсоединили световой короб в виде гигантского макета дисплея автомагнитолы, а с обледеневшим изнутри козырьком предстояло повозиться.

— Нужен ледоруб, — сказал я напарнику.

Он молча перебрался через козырек и открыл дверь. Прямо через небольшой коридор начинался автомагазин. Но мы повернули налево, где находились служебные помещения. Рукавицкий толкнул дверь с надписью «Бухгалтерия». В квадратной комнате сидела крупногабаритная дама с усиками, а за соседним столом приютилась наша перепуганная знакомая.

— У вас ледоруб не найдется? — переводя мутный взгляд с одной женщины на другую, мрачно спросил Рукавицкий.

— Кха-кха, — ответила дама с усиками.

— Ясно! — хрипло выдохнул Рукавицкий и закрыл дверь.

— Э, орлы! — грозно окликнул нас кто-то сзади. — Вы чего тут шляетесь?!

Мы обернулись и увидели быстро идущего к нам из другого крыла строения пожилого человека с военной выправкой. Короткие седые волосы на его голове топорщились ежиком, на плечи был накинута зимняя армейская бушлат песочного цвета с синим воротником из искусственного меха.

— Нам ледоруб нужен, — объяснил Рукавицкий.

— Так вы те самые, которые... — морщины на лице старика стали еще глубже, а в его васильковых глазах вспыхнули презрение и сарказм. — Где же вас таких понаделали?

— В СССР, — без дураков ответил я.

— Ты поговори мне еще! Я здесь комендант! — сурово посмотрел на меня сердитый дед. — Что же вы только творите, олухи! Козырек нормально сделать не смогли! Окажись вы в моей батарее, я бы вас к орудию на пушечный выстрел не подпустил бы! Вы бы у меня из сортира не вылазили бы с тряпками! Оба!

— Дадите нам ледоруб? — напомнил я о просьбе Рукавицкого.

— Э-э-э... — страдальчески скривился комендант. — Пойдемте, чума и холера!

Мы направились за ним в противоположное крыло. Дойдя до середины, старик вытащил из кармана связку ключей и открыл дверь в каморку без окна. Свет включать он не стал, а посветил фонариком. Погромыхав каким-то железом внутри, комендант сказал:

— Ледоруба у меня нет. Он уже давно в Мексику уплыл. Берите лом. И смотрите, чтоб вернули и не погнули!

Потом Рукавицкий с тупым отчаянием на лице безуспешно долбил ломом лед, видимо размышляя о быстротечности времени, которого ему к тому же катастрофически не хватало, а я думал, как поскорее с этим разделаться.

— Кто же так следы замечает?! — наконец надумал я.

— На, попробуй сам! — протянул мне лом взмокший напарник.

— Давай высверлим заклепки, снимем каркас, а корыто со льдом спихнем в сторону, — посоветовал я.

Так мы и сделали. Облегченный каркас козырька мы подняли над опорными трубами и отнесли к машине, привязав его веревкой вместе с коробом к багажнику на крыше.

В гараже я помог Рукавицкому подлатать световой короб, пострадавший при падении.

— А с козырьком что делать? — спросил вконец одуревший от сегодняшних приключений напарник.

— Ты меня спрашиваешь, Санёк! — ехидно усмехнулся неожиданно вошедший Могилевский. — Ты у нас начальник цеха, а я директор!

Я сказал, что надо сначала разбить козырек, подрезать перемычки, а потом заново сварить конструкцию таким образом, чтобы у крыши был наклон набок, и тогда вода всегда будет стекать и не попадать на крыльцо.

— Ну что, тебе ясна задача, балбесина?! — сказал директор таким тоном, будто это он сам придумал план действий.

— Да, — безжизненно отозвался Рукавицкий.

Он понимал, что работа предстоит немалая, а других вариантов не предвиделось и завтра все должно быть сделано.

— Ну так шевели колготками, красючка! — прикрикнул Могилевский.

В шесть вечера я переоделся, и мы с Могилевским вышли из гаража. На улице кружил невесомый снежный пух. Почти все окна в пятиэтажке «Дома быта» были желты. Порой в них мелькали, как в театре теней, силуэты суетливых человечков, которые ковали железо, пока горячо. И мне казалось, что в этом доме уже не осталось живых людей, их проглотили собственные тени алчности.

Мы шли с Могилевским вместе до кофейного ларька, и я знал, что он еще будет сидеть в офисе часов до восьми. Нередко случайные клиенты забредали сюда и после окончания рабочего дня, а директору не хотелось упускать лишнюю копейку. Но пока наши пути еще не разошлись, я решил высказать ему свои соображения:

— Может, Саньку лучше уйти от греха подальше.

— Как это уйти? — вытаращился на меня Могилевский, будто я обматюкал его.

— Он же работал раньше официантом. Там он, по крайней мере, никого не убьет, а здесь ему опасно оставаться, — пояснил я свою мысль.

— Так он же никого не убил, — не соглашался директор.

— А если еще по городу Санькины козырьки начнут падать на головы людям? Как это отразится на имидже фирмы? — привел я убойный аргумент.

— Да как же я его уволю? — запротестовал Могилевский. — Он может отказаться! Да и вообще послать меня! Свободный человек, имеет право, что ты такое говоришь!

— Я могу сам с ним поговорить и убедить.

— Не надо! Ты не понимаешь! Санёк мне как сын! — и Могилевский посмотрел на меня такими пронзительно честными глазами, про которые говорят: «Им все божья роса».

Окончив ПТУ в 1992 году, Могилевский решил попытать счастья в малом бизнесе, пришедшем на смену советским кооперативам. Первым местом его работы была полиграфическая фирма «Графит». Еще недавно будущий директор этой фирмы Липатов был фотографом в проектно-институте. Большую часть рабочего дня он бездельничал и жаловался коллегам: «Как можно жить на девяносто рублей?!» Но тут подоспело «время возможностей». Руководство института приватизировало свой объект и стало сдавать его в аренду. Липатов же, выгодно женившийся на дочери главбуха их организации, получил вместе с невестой полиграфический центр института.

Могилевский, наверное, так бы и остался простым работягой, если бы через три года в их фирме не нарисовался новый менеджер, а точнее — приемщик заказов по фамилии Зайцев, в прошлом бухгалтер. Зайцев сгорал от зависти, наблюдая, какие шальные деньги через его руки ежедневно текут в кассу «Графита». Ему хотелось открыть свою лавочку, но он не имел стартового капитала. Однако то были девяностые — «время возможностей».

Конечно, не каждому с неба в руки падала невеста с полиграфическим центром в придачу, но если присмотреться... И Зайцев присмотрелся к липатовским сотрудникам. Некоторых из них, в том числе юного Могилевского, ему удалось увлечь за собой сладкоголосыми речами: «У Липатова вы были рабами, а я приглашаю вас в компаньоны».

Три года Могилевский проработал у Зайцева на ручном кустарном станке, занимаясь трафаретной печатью. В отличие от Липатова, который платил своим «рабам» по тем временам приличные деньги — триста долларов, Зайцев держал своих «компаньонов» в черном теле. Но он был очень добрым и душевным товарищем, особенно когда со щенячьими глазами просил Могилевского поработать сверхурочно «за того парня», ведь со временем все остальные «компаньоны» не выдержали спартанских условий и сбежали от директора «Полиграфсервиса». А вот Могилевский дотерпел до обещанного светлого будущего, чтобы увидеть, как Зайцев закупит промышленное оборудование, наберет новых работников, а своего последнего и самого преданного «компаньона» пошлет на вольные хлеба.

А затем обычному инженеру с завода лимонной кислоты Корнейчуку каким-то чудом перепало два стареньких чехословацких «ромайора», и он, ошалев, не знал, что делать с таким свалившимся на него богатством. Толковые люди посоветовали ему открыть типографию, а в компаньоны порекомендовали Могилевского. Через пять лет пути компаньонов типографии «Фрегат» разошлись, как в море корабли. Корнейчук пересел с «копейки» на «ниву-шевроле», а потом на «тойоту-ленд-крузер». Могилевский получил развод от жены и должен был выплачивать алименты на двоих детей, но приобрел опыт многостаночника. Закончилось дело тем, что Корнейчук послал Могилевского туда же, куда и Зайцев.

Не успел Могилевский прийти в себя, как на него через третьи лица вышел некий Твердохлебов, у которого жена-домохозяйка зудела и жаждала деятельности. И снова речь зашла о компаньонстве. Могилевский просил на печатный станок, но Твердохлебов дал на режущий плоттер, потому что он в сто раз дешевле. Пришлось вместо типографии открывать рекламное агентство, к которому у Могилевского душа не лежала. Но тут ему был послан свыше подарок судьбы в лице Рукавицкого, и директор «Арлекина» решил отыгаться на нем за все свои неудачи, да еще и нажиться.

Об этом я думал, вспоминая и домысливая откровения самого Могилевского, когда шел домой после работы по оживленной и шумной центральной улице. В глазах суетливо спешащих по своим делам людей уже поблескивали огоньки предновогоднего настроения.

Но я находился под впечатлением дня сегодняшнего и смотрел на все вокруг под иным углом зрения. Вот, например, из магазина «Окна & двери» с яркими витринными окнами, увитыми, как плющом, мигающими гирляндами, вышли на крыльцо под козырьком две молодые непуганые продавщицы. В накинутых на плечи болоньевых куртках, с комически важным выражением на лицах, будто у одной на голове свернулась колечком в виде шапки персидская кошка, а у другой на макушке горела кремлевская звезда, они курили тонкие, как соломинки для сока, сигареты и запивали их ванильный дым химозным кофейком из пластиковых стаканчиков. А мне казалось, что этот козырек тоже дело рук Рукавицкого и что он сейчас дамочковым мечом навис над головами ничего не подозревающих продавщиц, готовый обрушиться в любой момент.

Когда я утром зашел в гараж, то сразу в нос ударил тошнотворный запах протухшей рыбы. В воздухе витал едкий сизый дым, от которого сразу защипало глаза, а в уши вонзился пронзительный визг. Рукавицкий зачищал «болгаркой» сварные швы переделанного по моему проекту козырька.

— Привет, — поздоровался я.

Напарник выключил «болгарку», бросил ее на стол и, прихрамывая, как легендарный Гефест, поплелся к компьютерному столу.

— Здорово, — хрипло отозвался Рукавицкий и тяжело опустился на стул.

— Ты всю ночь здесь был?

— До двенадцати ночи, — затуманенным взглядом посмотрел на меня напарник, будто не узнавая, — а в шесть уже снова тут был. Малая всю ночь кричала, голова раскалывается.

Его колбасило, как астронавта, лишившегося скафандра в открытом космосе.

— Может, тебе кофейку? — предложил я убийце-мученику.

— Нет! — он мотнул головой. — Я от этого помойного кофейка уже кровью харкаю. Дай лучше сигареточку.

— Апч! — раздалось у меня за спиной.

Это в гараж вошла Михаловна, а за ней Васильич. Сначала, пригнувшись и поморщившись от дыма и вони, Могилевский осмотрелся. Удовлетворившись сделанной работой, он повеселел и зашел:

— А тебя посадят, миленький Санёчек. А тебя посадят, сизый голубочек.

— Саш, да хватит уже! — одернула компаньона Михаловна. — Пусть отработывает!

— Ничего не хватит! — притворно-грозно рявкнул Могилевский и мрачно усмехнулся. — Пока из него человека не сделаю, я с него не слезу, Танюш! Ты понял меня, Санёк?! Чтоб не расслаблял булки!

— Саш, да ты заманал! — вскричал Рукавицкий.

— Я тебя еще не манал! — заорал директор.

— Саш, пойдём чай пить! — в дверях появилась невыспанная Клюева с растрепанными волосами.

Она вошла в гараж в черной болоньевой куртке Васильича, накинутой поверх плеч, и прислонилась спиной к стене. Засунув руки в карманы куртки и склонив голову набок, она стояла на одной ноге, как цапля, подогнув вторую в колене и оперевшись подошвой в стену.

Твердохлебова, брезгливо фыркнув, сказала, что она будет в офисе, и вышла, а Могилевский вразвалку направился к Маришке. Он осторожно взял ее за узкие плечи своими лапищами, похожими на ласты тюленя, и повел к выходу:

— Не надо тебе тут стоять, Мариш! Здесь дует и воздух очень плохой!

— Саш, — окликнул директора Рукавицкий, — машина заправлена? А то нам на монтаж надо ехать.

— Садись в машину, Мариш, — вздохнул Могилевский, — придется нам сначала до заправки прокатиться.

Клюева вышла, а Васильич еще раз критично осмотрел козырек и спросил меня:

— Не упадет?

— Мы его с тыльной стороны к стене на анкерные болты закрепим, чтобы он не на одних саморезах держался, — ответил я. — Надо было сразу так сделать.

Директор гневным взглядом потребовал от Рукавицкого объяснений.

— Саш, ну не было у меня тогда с собой анкерных болтов! — затравленно сжался монтажник.

— Я когда-нибудь тебя убью! — сделал страшное лицо Могилевский, а потом снова обратился ко мне: — Ты его проконтролируй, а то я ему больше не доверяю.

— Саш, да сделаем все на совесть! — заверил Рукавицкий.

— Знаю я твою совесть, Санёк! От нее тюрьмой пахнет! Надежно сделай! Понял?!

— Понял, Саш.

— Ну так давай-давай-давай, Санёк! — закричал директор, тесня Рукавицкого к монтажному столу своим арбузным пузом, выпирающим из-под серого турецкого свитера. — Я за твой бензин новыми пятихатками плачу!

Покуражившись, Могилевский вышел, прогрел машину, и они с Маришкой укатили. А Рукавицкий расправил плечи и, хитро заглядывая мне в глаза и скалясь, как динозаврик, загадочно произнес:

— Мне одному показалось, что Маришка беременна?

— С чего ты взял?

— А ты видел, как он с ней обращается? — и Рукавицкий стал кривляться, передразнивая директора. — Маришка, ты тут не стой, тут дует! Маришка, тут воздух плохой!

— Воздух здесь действительно плохой, — согласился я с Могилевским. — А может, он любит Маришку?

— Ха! Видал я таких любителей! — зло рассмеялся Рукавицкий. — Вот не случайно мне так показалось! Скоро узнаем!

Однако узнать нам этого тогда не довелось, потому что вскоре Могилевский втянул нас в свою последнюю авантюру.

Эта напасть случилась через пару дней после того, как мы установили переделанный козырек и окончательно закрыли вопрос с «посадкой» Рукавицкого. Дело было к обеду. Мы с напарником распускали при помощи метровой линейки и канцелярского ножа лист ПВХ на небольшие прямоугольники для дверных табличек.

Неожиданно дверь широко распахнулась, и в лицо повеяло бодрящей свежестью, а глаза больно кольнуло от ослепительной белизны искрящегося под низким зимним солнцем снега. Могилевский перешагнул через порог и замер, уперевшись правой рукой в притолоку двери. Оглядев нас плутовато блестящими глазами, он запел гнусавым, мяукающим голосом, как его кумир Лагутенко.

— В подворотне их ждет манья-як! — толстый директор попытался, насколько мог, по-кошачьи прогнуть спину. — Парочку простых и молодых ребят!

Потом Могилевский вошел в гараж и, размахивая полупрозрачным пакетом с какими-то продуктами в левой руке, направился к Рукавицкому:

— Па-па-ра-па-ра-па-пам! Па-па-ра-па-ра-па-пам! Санёк, ты маньяков боишься?

— Никого я не боюсь! — хмуро отвернулся Рукавицкий.

— А че ты тогда шарахаешься от меня?! А не по-ал?! — заорал директор, а потом резко сдал назад и перешел на спокойный, благодухный тон: — Да шучу я, Санёк, ты же меня знаешь.

— Саш, не дергай меня, — обозлился и отодвинулся монтажник, — а то я табличку криво отрежу!

— Табьичьку кыво отъезю! — передразнил, как маленького, Могилевский. — Санёк, если бы ты был бабой, я бы тебя спросил: «Зачем с больными руками замуж ходила?» Но ты же не баба, а, Санёк?!

— Саш, да хорош тебе!

— Санёк, а как ты смотришь на то, чтобы я до нового года рассчитался с вами полностью по зарплате?

— Серьезно? — недоверчиво повернулся лицом к директору монтажник.

— А ты думаешь, я шучу с тобой?! — наигранно возмутился Могилевский. — Санёк, мы живем в России! У нас не принято начинать новый год с долгами. И я намерен до конца года рассчитаться со всеми, кому должен.

— Саш, да я только за! — радостно воскликнул Рукавицкий.

Его уши раскраснелись, попав под «обогрев», исходящий от посулов директора, а на лице от умиления расплылась глупая улыбка.

— Только надо ударно поработать перед новым годом, пацаны, — взял серьезный тон Могилевский.

— А что надо делать, Саш?

— Заинтересовал?!

Директор почесал зад и вытащил из кармана джинсов сложенный вчетверо лист бумаги. На нем мы увидели цветное фото автозаправки где-то в чистом поле.

— Это хутор Редины Дворы, — пояснил Могилевский.

— Так это двадцать кэмэ от города, — загрустил Рукавицкий.

— Санёк, я тебя не в Москву зову на заработки, — раздраженно повел плечами директор. — Что такое двадцать кэмэ? Мы прямо сейчас туда смотаемся! Мне надо бумаги подписать у клиента, чтобы нам денежки упали, а вы посмотрите на фронт работ.

— А обед? — уныло спросил Рукавицкий.

— Где тут у тебя чистая подложка, Санёк? — Могилевский заозирался по сторонам и поставил пакет на стол.

Рукавицкий нагнулся и поднял с пола свернувшуюся в рулон метровой ширины бумагу, используемую как подложку для самоклеящейся пленки «Оракал». Вдвоем с Могилевским они развернули рулон, держа бумагу за разные концы, и несколько раз встряхнули ее, как ковровую дорожку, а потом положили на стол вошеной стороной кверху.

Могилевский достал нарезанный хлеб в кулке, упаковку «пальчиковых» сосисок и майонез в пакетике. Затем он вцепился зубами в пакетик, оторвал от него уголок и сплюнул себе под ноги. Директор выдавил весь майонез на бумагу, и, вооружившись хлебом и сосисками, вместе с Рукавицким они принялись за еду.

Они старательно, низко наклонив головы, собирали майонез с бумаги мягким, как поролон, хлебом и соевыми сосисками, а потом отправляли все это себе в рот вместе с пальцами, которые смачно обсматывали. Мне вдруг стало не по себе от мысли, что сейчас раздастся характерный хруст и выяснится, что кто-то из них по неосторожности откусил себе фалангу или две.

Они быстро проглотили половину обеда, после чего расстаравшийся и раскрасневшийся директор, смахнув со лба тыльной стороной ладони свою длинную, как хохолок чибиса, челку, приглашающе махнул мне рукой:

— А ты чего стоишь? Присоединяйся!

— Нет, спасибо, — отошел я подальше от стола и наблюдал, как они, урча и сопя, приканчивают остаток обеда.

— Он рыбу любит, — пробурчал с набитым ртом Рукавицкий.

— Ясно, — усмехнулся Могилевский, а потом скомкал лист с распечаткой заправки в «снежок», обтер ладони и бросил на пол. — Пойдем, Санёк, в ларек по кофейку, я угощаю.

Через полчаса мы с Рукавицким сидели в офисе на стульях для клиентов, Твердохлебова суетилась с распечаткой документов, Клюева пряталась за ноутбуком, а Могилевский осторожно расхаживал по тесной каморке и гнусаво распевал, словно передразнивая своего кумира:

— Уходим, уходим, уходим...

Остановившись у Маришкиного стола, директор задвигался так, будто крутил невидимый обруч на талии. Выглядело это отвратительно, но еще отвратней он запел:

— Бьется родная, в экстазе пылая...

— Саш, вот счет-договор! — Твердохлебова торжественно протянула Могилевскому бумаги в прозрачной папке.

— Отлично, Танюш! — обрадовался директор. — Тогда мы поехали. Пожелайте нам удачи, девчонки!

— Удач вам, ребят! — насколько могла теплее, сказала Михаловна.

— Будь осторожен за рулем, Саш! — пискнула Маришка.

Когда мы сели в машину, я сзади, а Рукавицкий рядом с директором, Могилевский решил включить магнитолау:

— Что это мы без музыки?!

Я представил, что сейчас из магнитолы выползет, как рептилия, Лагутенко, залезет в рот директору и тот окончательно лишится дара человеческой речи и будет изъясняться только текстами «Мумий Тролля».

Но совершенно неожиданно для меня раздался дробный голос Цоя: «Белый снег, серый лед, на растрескавшейся земле...»

И этот голос сопровождал нас весь путь, пока мы неслись по дороге, проложенной через овраги, отчего она местами напоминала американские горки.

— Санёк, план такой! — начал Могилевский, пристально глядя сквозь лобовое стекло. — За неделю вы разбираете стелу, срываете кассеты с навеса, вагонку с потолка, расширяете колонны...

— Саш, не гони, мы столько не успеем за неделю! — встрепенулся Рукавицкий, словно человек, заметивший, как мухлюет наперсточник.

— Санёк! За неделю я этот курятник один разберу! А вас двое! Не вешай мне лапшу, Сань. Я ведь тоже не лошок в этом деле, — пристыдил монтажника директор. — Вот, значит, как мы поступим... Сегодня у нас какое?

— Восьмое, — раскис Рукавицкий.

— Сейчас подпишем договор, получим предоплату, — барабанил пальцами по колесу Могилевский, обнимая второй рукой руль, — я закуплю композит, ручной фрезер и буду всю неделю шуровать кассеты в гараже, пока вы на заправке. А через неделю мы уже все вместе займемся монтажом, и числа двадцать пятого я с вами рассчитаюсь по полной, как и обещал.

— Саш, нам бы людей еще, — канючил Рукавицкий.

— Сань, не нагоняй на меня тоску, — зевнул Могилевский, а потом резко воодушевился: — Знаешь, какая у меня идея, Санёк?! Мы купим кофемашину!

— Зачем? — тупо уставился на директора монтажник.

— Как зачем?! — удивленный апатией Рукавицкого, воскликнул Могилевский. — Ты знаешь, сколько мы денег с тобой в ларек отнесли?! Однорукие бандиты так не потрошат карманы, как эти кофейные ларьки! А когда у нас будет кофемашинка, нам достаточно только закупить кофе, вода бесплатная... Представляешь, сколько мы сэкономим?!

А Цой тем временем продолжал изливать свои мрачные мысли: «Я не знаю, каков процент сумасшедших на данный час, но если верить глазам и ушам — больше в несколько раз».

Заправка действительно оказалась в чистом поле, занесенном снегом, как мы уже видели на распечатке у Могилевского. Когда мы втроем выбрались из машины, из людей нам встретился только один таджик с заправочным пистолетом в руке. Он недоверчиво и опасливо покосился на нас, а потом повесил пистолет на колонку и помчал, как сайгак, в операторскую.

Через пару минут оттуда вышел какой-то мужик лет сорока и направился к нам. Кепка, пальто, брюки и туфли на нем — все было черное, как оперение ворона. Он шел, то и дело пригибаясь, словно у него над головой свистели пули. А за нашими спинами мужественно и решительно звучал голос Цоя: «Пожелай мне удачи в бою, пожелай мне...»

Подойдя к нам, этот странный человек продолжал испытывать дискомфорт, беспокойно озираясь по сторонам и поеживаясь от каких-то своих нехороших предчув-

ствий. Он явно боялся открытых пространств, и я подумал, что его тотчас бы отпустило, окажись он в бункере или хотя бы в блиндаже.

— Кто у вас старший? — спросил черный человек с несчастным и бледным лицом, настороженно прошупывая нас с головы до ног мутноватым взглядом серых глаз.

— Я директор, — с наигранной слащавой улыбкой на лице ответил Могилевский и дружески протянул свою лапищу.

Качнувшись, как маятник, сначала вперед, а потом назад, незнакомец молниеносно пожал руку директору:

— Виктор Петрович.

Я успокаивающе улыбнулся нервному человеку, а Рукавицкий предостерегающе оскалился.

— Это моя заправка, — порывисто заговорил Виктор Петрович. — Я ее продаю и уезжаю из России. Мне нужно, чтобы здесь все сверкало. Справитесь до нового года?

— Да не вопрос! — Могилевский был сама уверенность.

— Тогда по рукам, — засуетился хозяин заправки, надевая очки. — Давайте подпишем договор и начинайте поскорее!

— Не так быстро, — развязно усмехнулся Могилевский. — Как деньги от вас поступят, так и начнем.

— Хорошо, хорошо, — быстро согласился Виктор Петрович.

Они подписали договор «на коленке», и черный человек, отличная мишень на белом снегу, пружинистым шагом направился к операторской, снова пригибая голову от свиста одному ему только слышимых пуль.

С понедельника мы приступили к демонтажу старых рекламных конструкций. Сначала разобрали световую стелу, металлический каркас которой стал похож на огромный скелет хемингуэзовской рыбы-меч, съеденной акулами. Потом та же участь постигла навес заправки, бывший по площади размером с небольшой бассейн. Здесь пришлось повозиться подольше, потому что работы велись на высоте. Виктор Петрович предоставил нам трехъярусные леса, а Могилевский нанял грузовик, чтобы вывезти битый композит, из которого собирался наделать халявных табличек.

Стиснув зубы, мы упорно двигали строительные леса по периметру навеса, высверливали и спускали вниз кассеты. Наверху порывы ледяного ветра порой бывали такими сильными, что мы ощущали себя моряками во время шторма. В такие моменты мы хватались за перемычки каркаса навеса и сидели неподвижно на корточках, накинув на головы капюшоны и уткнувшись лицами в колени. Работать в перчатках было неудобно, поэтому руки у нас горели от мороза, словно ошпаренные кипятком.

Однако у нас с Рукавицким было за плечами по два года школы выживания на Русском Севере, где мы учились стойко переносить тяготы солдатской службы. И хотя мой напарник поначалу дал слабину, сравнивая работу в теплом гараже и на холоде в чистом поле, все же мне удалось ободрить его личным примером и напутственными словами: «Шилом бреется солдат, дымом греется».

Тем более у нас все было не так уж и плохо. В складском помещении мы перекусывали бутербродами с ветчиной и пили крепкий чай из термоса с рижским бальзамом. В первый же день во время обеда к нам из темного угла вышел знакомиться крупный серый сибирский кот с яркими желтыми глазами, обитавший на этом складе.

Шуба у него была царская, а вот лапы у бедняги мерзли от холодного бетонного пола. Когда я сел на хлипкую скамейку, кот, как дрессированный, словно ждал этого момента, запрыгнул мне на колени. Рукавицкий сел напротив меня на другую скамейку. Между собой мы поставили низкие деревянные козлы, приспособив их под стол. Напарник с неодобрением наблюдал за тем, как я раскрошил толстый ломь ветчины на мелкие кусочки и скормил их с ладони коту.

Бутерброды, чай и рижский бальзам брал в дорогу я. Рукавицкий же кормился непонятно как и раньше — то от моих щедрот жареным минтаем с украинским хлебом, то покупал в ларьке фэготтини с черносливом, от которого его пронесило, но чаще хлебал кофеек из того же ларька и давился «курятиной», выкуривая по пачке за смену. А когда мы стали ездить на заправку, напарник брал с собой одни сигареты, что, если верить Цюю, не так уж плохо на сегодняшний день.

Во вторник утром я взял картонную коробку от монитора и свое старое детское шерстяное одеяло. Как только мы приехали, я сразу занялся обустройством жилища для нашего четвероногого товарища по несчастью.

— В этой стране люди хуже скота живут, а ты хочешь, чтобы коты жили по-человечески, — буркнул Рукавицкий, считая мой поступок блажью.

— И не только коты, — ответил я. — Бери бутерброды.

Напарник спорить не стал и принялся рвать молодыми зубами хлеб с ветчиной. Кот сидел у меня на коленях и внимательно следил за Рукавицким кричащим взглядом: «Оставь кусочек!» Чтобы успокоить его, я погладил пушистика по спине. Кот прищурил глаза и замурчал, будто говоря: «Зачем ты кормишь этого обалдуя? Лучше бы мне отдал его пайку». Свою он уже проглотил.

В пятницу к обеду мы закончили с демонтажом и сидели на складе, согреваясь чаем с бальзамом. Сытый кот дремал у меня на коленях. Я решил, что, когда мы закончим с отделкой заправки, заберу кота к нам в гараж.

— Эх, если бы не семья, — вздохнул Рукавицкий, — взял бы кредит пожирнее да свалил бы в Абхазию с концами.

— Почему в Абхазию? — удивился я, наслышанный об этой маленькой непризнанной захиревающей республике.

— У меня там отец живет.

Рукавицкий рассказывал, что его мать работает в банке, а про отца до сих пор молчал.

И тут появился Могилевский, которого мы утром предупредили, что закончим сегодня раньше. Он снова нанял грузовик и приехал забрать остатки композита.

— Ну что, Санёк! — насмешливо глянул на Рукавицкого директор, держа руки в карманах джинсов. — Посмотрел я на ваши геройства. Молодцы. Знаешь, что я думаю? Пора нам назначить нового бригадира!

— Кого? — тупо удивился монтажник, глядя, как кот, свернувшийся колючком у меня на коленях, поднялся и выгнул спину. — Кота, что ли?

— Дурак ты, Санёк, — хохотнул Могилевский. — Давайте загрузим композит в машину и домой!

Когда мы вернулись в гараж, то обнаружили, что там всю неделю конь не валялся. Не знаю, чем занимался Могилевский, но только не работой. Все оставалось, как прежде, только вдоль стен прибавилось снятых нами с заправки композитных панелей. Директор, пряча глаза под челкой, объяснил, что заказал материалы в Москве, так дешевле, и они придут на следующей неделе. С тем мы и разошлись по домам. Но сердцем я уловил, что Могилевский лжет, добром это не кончится, и сердце заняло.

В понедельник ничего не изменилось. Мы с Рукавицким занимались в гараже мелкой работой вроде табличек да уголков покупателей. Могилевский стал тихим и задумчивым. Временами он заглядывал к нам, молча наблюдал за работой и прикидывал что-то в уме.

Во вторник утром директор снова зашел к нам, тяжело дыша, с пунцовым лицом и горькой grimасой, будто его мучила боль в почках или печени. Бросив на стол телефон, он полез в карман куртки за сигаретами, но тут в окошке мобилньника вспыхнул

свет, телефон зажужжал и задергался, как большой крылатый жук, перевернувшийся на спину лапками вверх.

— Почему к монтажу не приступаете?! — раздался строгий голос Виктора Петровича из динамика телефона.

— Материалы ждем, — ответил Могилевский.

— Ты из Китая их ждешь?

— Из Москвы.

— Скажи честно, тебе денег дать?

— Ничего не надо, все есть, — пришел в себя Могилевский и на кураже продолжил свое привычное дело околпачивания заказчиков: — Завтра утром придет машина с материалами, и я сразу становлюсь фрезеровать композит и гнуть неон, а в четверг ребята будут уже на заправке и займутся монтажом. К новому году все будет, как и договаривались.

— Ну давайте, давайте, — опешил от такой импровизации собеседника Виктор Петрович. — Если все сделаете в оговоренные сроки, я вам всем еще премию накину. Я козлом никогда не был!

— Я тоже им никогда не был! — патетично воскликнул директор, глаза его увлажнились, а лицо пылало такой подкупающей искренностью, что я инстинктивно отвел от Могилевского взгляд, вспомнив миф об античном чудовище, которому нельзя смотреть в глаза, иначе превратишься в камень.

В среду никакой машины, разумеется, не было. Зато Рукавицкий, сходявший на разведку в офис, принес такие новости, за которые в былые времена восточные са-трапы гонцу голову отрубали.

— Влипли мы с этой заправкой, — мрачно сообщил напарник, тяжело опустился на стул и по-стариковски сгорбился. — Васильич все деньги спустил.

— Куда? — удивился я.

— Слышал про «одноруких бандитов»?

— «Разбуди вулкан удачи!»?

— Ну, типа того, — горько усмехнулся Рукавицкий. — Он давно на эти игровые автоматы облизывался, да денег не было, а тут такой куш свалился, хоть днями напролет играй. Пока мы с тобой на морозе скрюченными пальцами композит отдирали от фриза, этот боров засел за игру и за неделю спустил все деньги.

— Как ты об этом узнал? — усомнился я, хотя такая версия сразу показалась мне правдоподобной.

— Я подслушал, как они с Михаловной в офисе грызлись.

— И как это только хозяин заправки ему доверился? — недоумевал я.

— Эту заправку никто в городе меньше чем за триста тысяч не взялся бы делать, а Васильич предложил за сто восемьдесят и вот этот битый композит забрал в придачу, — пояснил напарник.

— Да этот Васильич прямо змей-искуситель какой-то! Хотя деньги ослепляют того, у кого нет головы.

— Еще и на сроки нереальные согласился, — буркнул Рукавицкий.

— Мы бы справились, только теперь говорить об этом без толку. Уходить надо.

— Да подожди ты! — испугался Рукавицкий. — Мы же так ничего не получим!

— А на что ты рассчитываешь?

— Ну я надеюсь, — плутовски улыбнулся напарник, — что Васильич еще до нового года демпинганет, перебьет какой-нибудь крупный заказ и нам заплатит.

— А дальше что? АО «МММ»?

— Да по фигу, что дальше! — отчаянно убеждал Рукавицкий. — Нам бы свое до конца месяца получить! И сваливаем! А Васильич пусть сам выпутывается, это не наши проблемы.

— А ты не подумал, что он и новые деньги в игровой салон снесет?
— Но он же не совсем больной! — обиделся на мой скептицизм Рукавицкий. — Васильич с..., конечно, но понимает, что если нас кинет, то останется без работников! А без ему как без рук! И тогда никаких денег ему точно не заработать.

— Зря ты так думаешь, — печально улыбнулся я.

— Да послушай! У меня чуйка! — кипятился напарник. — Тут осталось полторы недели. До нового года уже работу не найдешь, сейчас все бухают. Давай подождем немного!

— Хорошо, но потом пеняй на себя.

Утром в четверг Могилевский зашел к нам, пошатываясь, с опухшим лицом и заплаканными глазами, словно его покусали осы. Это были последствия скандалов с Твердохлебовой, которая рассчитывала получить свою долю и вернуть мужу деньги за Таиланд, взятые у него в долг на фирму обманным путем через компаньона.

Директор сел на стул, уперся локтем в крышку монтажного стола, а щеку положил на пухлую ладонь, как на подушку. Он муторно засопел, а потом и захрапел. От него жутко несло перегаром. Но тут его неожиданно разбудил мобильник: «А помнишь небо, помнишь сны о молчанье, юное тело в голубом одеяле...» Могилевский дернулся и стал хлопать себя по карманам, будто ловил блох.

— Ты там уснул, что ли? — снова мы услышали негодующий голос Виктора Петровича из телефона.

— Я на работе, — дозировано выдавил из себя три слова Могилевский, как пасту из тюбика.

— На какой еще работе?! — полыхнул VIP-клиент. — Я уже целый час на заправке! Где ты со своими архаровцами?!

— Мы не сможем сегодня приехать, — глухо отозвался Могилевский.

— А зачем вы туда полезли, если вы ничего не можете! — сорвался на визг заказчик. — Вы мне всю заправку раскурочили! Теперь люди думают, что она не рабочая, и проезжают мимо!

— Послушайте! — Могилевский провел ладонью, как полотенцем, сначала вдоль одной щеки, потом вдоль другой. — Мы правда не успеваем, но я с пацанами все выходные буду пахать в гараже, и с понедельника мы займемся монтажом.

— Я уже договор заключил с покупателем! — не унимался клиент. — Как я ему передам заправку в таком виде?!

— Не переживайте, — успокаивал Могилевский. — У нас еще целая неделя в запасе. Мы все сделаем, как договаривались.

— Ладно, — остыл Виктор Петрович. — Поверю тебе в последний раз.

Вскоре у Могилевского что-то перещелкнулось в голове, и он окончательно вжился в роль «голового короля». Подобно сказочному персонажу, который ничуть не стыдился своей наготы, а, наоборот, гордился ею, директор «Арлекина» теперь не испытывал самой малейшей неловкости за свое паскудное поведение.

Когда в понедельник утром снова позвонил нетерпеливый владелец заправки, Могилевский, сидя рядом с нами в гараже за столом и неторопливо размешивая капучино в стаканчике кофейной палочкой, похожей на палочку для пуска мыльных пузырей, на голубом глазу ответил:

— Сейчас загружаем машину и выезжаем!

У Рукавицкого от таких слов отвисла челюсть, а глаза от ужаса выпучились, как у жабы. Могилевский спокойно слизал пенку с палочки, звучно отхлебнул жидкость из стаканчика и отрыгнул.

В тот момент мне хотелось, чтобы Рукавицкий увидел в Могилевском себя, когда он, сидя на пляже и зарывшись ногами в песок, врал по телефону директору, что ви-

сит на лестнице и долбит стену перфоратором. Но к сожалению, лишь немногие избранные из рода человеческого способны посмотреть на себя со стороны.

Мы с напарником занялись работой, а Могилевский достал из кармана стилус для телефона и погрузился в Интернет, тыкая палочкой на иконки сайтов и маленькие буковки экранной клавиатуры.

Через час мы снова услышали знакомую мелодию его звонка: «А помнишь...»

— Блин, как он меня достал, — директор глубоко зевнул, закрыл замыленные глаза и помассировал их двумя пальцами.

— Ну и где ты, козел?! — услышали мы грозный рык Виктора Петровича.

— У нас машина сломалась, — уставшим голосом ответил Могилевский. — Мы починим и завтра приедем.

— Слушай сюда! — остервенело заорал клиент. — Я сам к тебе приеду! Я знаю, где твой офис! Я приеду и сожгу вас всех! Ты услышал меня?!

— Услышал, — смиренно вздохнул директор.

— Я тебя ненавижу, мразь! — взвизгнул телефонный террорист и сбросил вызов.

— Пойду-ка я в офис, — встал, крихтя, Могилевский и принялся растирать ладонью поясницу.

Когда он вышел, Рукавицкий обхватил голову и застонал так, будто у него начал мучительно резаться зуб мудрости.

— Зря я тебя тогда не послушал! Надо было сразу валить!

— Да подожди ты валить, — иронично улыбнулся я. — Неужели ты думаешь, что это он всерьез?

— А ты думаешь, нет?!

— Бояться надо непуганых идиотов, а этот пуганый. Если бы он действительно был таким отмороженным, то сейчас не продавал бы заправки и не бежал из страны, а бился бы за свою территорию, пока ему башку не проломили бы.

— Ты правда так думаешь? А как же заправка? Вот так подарил Васильичу сто семьдесят тысяч и забыл?!

— Да, считай, что подарил их жертве игровых автоматов. Он же хочет уехать из России, а не сесть в ней. Продаст заправку за минусом стоимости ее отделки и уедет. Но Васильича он еще долго будет вспоминать.

— Ну да, ну да, — немного успокоился Рукавицкий, — мы с тобой тоже его не скоро забудем.

Во вторник утром напарник первым делом наведалься в офис. Оттуда он вернулся радостным:

— Офис цел! Неужто и вправду он только пугал, что сожжет нас?!

— Было бы чему удивляться, — принимая этот факт как должное, ответил я. — Офис не Москва, а клиент наш не Наполеон.

— Санё-ёк! — неожиданно вошел в гараж повеселевший Могилевский с нахальными масляными глазками. — Ты все лясы точишь, как старый хрыч?!

— Саш, — заговорщически понизил голос Рукавицкий, — а куда Татьяна Михайловна пропала?

— Санё-ёк! — снисходительно ухмыльнулся директор. — У Татьяны Михайловны дети, они болеют, ей надо с ними дома сидеть.

— А-а-а... — притворно понимающе протянул Рукавицкий.

Я сразу понял, в чем тут дело. Когда вчера клиент с испепеляющей ненавистью озвучил Могилевскому свою пожароопасную угрозу, в голове Васильича созрел адский план. Он пошел в офис и застрашал Твердохлебову беспощадными карами, которые посулил им неадекватный клиент, пообещавший самолично произвести над компаньонами обряд аутодафе.

— Тут такая классная тема наклеивается, пацаны! — закурил и глубоко затянулся Могилевский. — К нам обратился «Мир лекарств». Это крупная аптечная сеть в Черноземье. Если нам удастся за них зацепиться, то у нас постоянно будут заказы, потому что новых филиалов в нашем городе у них намечается до хрена.

Рукавицкий задрал подбородок и плутовски подмигнул мне бойким черным глазом, что означало: «Ну что я тебе говорил?!»

— Как только нам упадут деньги, — продолжал Могилевский, — я сразу смогаюсь в «Неон-дизайн» за пленкой, и мы забабахаем большую шестиметровую вывеску на фасаде старого «Виогема».

— А из чего вывеска будет, Саш? — уважительно спросил Рукавицкий непотопляемого директора.

— Санёк, разуй глаза! У нас халявного композита полный цех!

— А зарплату когда мы получим? — вмешался я.

— В пятницу, двадцать девятого, как и обещал, — пробормотал директор, пряча глаза, и сразу засобирался в офис.

В пятницу утром мы выехали на монтаж и провозились до трех часов. Было холодно, и шел снег. Щеки горели, носы немели, пальцы коченели, перфоратор буксовал в стене, а у Рукавицкого разболелся зуб, видно, застудил нерв. Но мы не могли явиться к Могилевскому за зарплатой, не выполнив свою работу. Напарник сказал, что за этот заказ перечислили тридцать тысяч.

Когда мы наконец закончили и сложили инструмент в машину, то решили зайти в кафешку на первом этаже. «Виогем» был чем-то вроде «Дома быта», только гораздо крупнее по площади. Раньше здесь находился исследовательский институт, а теперь в нем арендовали помещения различные сомнительные ИП и ООО.

В кафешке оказалось несколько высоких круглых столиков без стульев. В тепле нас попеременно бросало то в жар, то в холод. Пальцам больно было вынимать деньги из кармана и отсчитывать их. Мы с Рукавицким взяли по беляшу и по стакану чая. Напротив нас за столом ел человек, похожий на Андропова, профессиональный побирушка, которого я летом видел в «Доме быта». На столе у «погорельца» были жареная картошка с рубленным шницелем, чашка кофе и два заварных пирожных на блюде.

— Может, нам работу сменить? — стрельнул глазами в сторону нашего визави Рукавицкий, видно, он тоже знал этого христарадника.

— Давай Васильичу звонить, — предложил я.

— Сейчас, — Рукавицкий достал мобильник и набрал Могилевского. — Алло, Саш! Ну мы как бы все!

— Отлично, Санёк! Возвращайтесь на базу. Я уже все подготовил, — тут же отозвался директор.

Через пятнадцать минут мы были в «Доме быта». Там все еще стояла привычная кутерьма. Народ носился по коридорам, хлопал дверями и постоянно с кем-то совещался по сотовому. Отличие от будничной суеты было в том, что порою из кабинета в кабинет перебегали раскрасневшиеся люди с тарелками, полными закускойной еды, вроде оливье или бутербродов с ветчиной и сыром.

Мы поднялись на второй этаж в офис 229, но дверь оказалась заперта. Рукавицкий, словно не веря, подергал за ручку еще несколько раз, потом постучал, приложил ухо к двери и, с ужасом посмотрев мне в глаза, готов был уже расплакаться.

— Надо позвонить, — посоветовал я.

Рукавицкий набрал номер директора, и снова холодный душ: «Абонент временно недоступен...» Потом позвонил я ровно с таким же результатом.

— Я не понял! — Рукавицкий был близок к истерике. — Он что, кинуть нас решил?!

— Пойдем в гараж вещи собирать, — ответил я и слегка подтолкнул напарника к выходу.

По пути мне пришла мысль, как бы этот ненормальный еще замок в гараже не поменял, но это было бы уже слишком. Замок оказался прежним. Войдя внутрь, мы увидели на компьютерном столе две бутылки «Советского» шампанского с мерцающими горловинами в серебристой фольге.

— Это что такое? — не понял я.

— А это, типа, он нас с новым годом поздравил! — нервно хохотнул Рукавицкий.

— А деньги?

— Как видишь, — провел ладонью по пыльному столу напарник. — Зарплату в конверте он нам не оставил.

Рукавицкий был так удручен, что у меня язык не повернулся сказать ему: «Ну, что я тебе говорил?» Да и самому мне от этого легче не стало бы. Уж чего-чего, а такого паскудного бегства от Могилевского я не ожидал.

— Как я с этим пойду к семье?! — напарник с ненавистью посмотрел на бутылки.

Теперь мне окончательно стало понятно, почему от Могилевского ушла жена с двумя детьми «в никуда». У меня до сих пор оставались небольшие деньги, накопленные с того времени, когда я работал на заводе, но идти домой под новый год с бутылкой шампанского было мучительно стыдно и больно. Дома ждала мать, она только вышла на пенсию с подорванным здоровьем. Узнав, как со мной поступили, она не подаст виду, а потом всю ночь, отвернувшись к стене, будет тихо страдать.

И мне в один миг представились все эти успешные, встроившиеся в рынок на русских костях, скалящиеся, подмигивающие, глумящиеся бесы, вселившиеся в бездушные человеческие оболочки власть живущих. А впереди этого зомби-апокалипсиса полз на карачках Могилевский и, кривляясь и пародируя своего кумира, орал: «Утека-ай!»

А потом перед моими глазами явственно встала черно-белая картина из давнего фильма «Аты-баты, шли солдаты», который я смотрел в детстве у бабушки, и жили мы тогда в совсем другой стране. Я видел, как в окопе притаились наши солдаты, а на них по снежной равнине надвигались черные вражеские танки. Я слышал нарастающий рокот моторов, лязг гусениц, а потом услышал бесстрашный голос любимого героя фильма Леонида Быкова, стоявшего рядом в обожженной, распахнутой телогрейке: «Ну, Хабанера, тащи патроны!»

Я схватил со стола бутылку за горловину и метнул ее, как гранату. Она с оглушительным треском разбилась, оставив на кирпичной стене гаража мокрое пятно, а брызги и осколки разлетелись в разные стороны.

— Да, ты прав, — поддержал Рукавицкий и грохнул свою бутылку шампанского об стену.

— Ты говорил, у тебя мать в банке работает. Поезжай к ней. Займешь денег, потом устроишься на работу, отдашь.

— Ничего другого не остается. Это у меня уже третья работа в наружке за последний год. Коммерсы к работникам относятся хуже, чем к скоту.

— Ничего, — ответил я, все еще находясь под впечатлением вспомнившегося мне фильма. — Русские не сдаются.

— Да тут русских уже почти не осталось! Одна мразь кругом!

— Знаешь, что в Писании Богом сказано? Там, где двое соберутся во имя Мое, там третий буду Я.

— Что же ты за человек? Никогда таких не встречал, — с ехидцей всматривался в меня Рукавицкий глазами безалаберного бесенка. — Ну да ладно. Давай вместе искать работу!

— Будем прорываться поодиночке, так больше шансов. Подвернется что путное тебе или мне, созвонимся. А сейчас закрываем гараж, сдаем ключ на вахте и с вещами на выход. Добро пожаловать в 2007 год, дети страшных лет России.

— Осторожно! Здесь могут быть осколки, — предупредил Рукавицкий, светя под ноги телефонным фонариком, а потом, обернувшись, погрозил кому-то во тьму: — Ну, с..., пусть земля вам будет битым стеклом!

* * *

Пятнадцать лет спустя, когда я задумал навести справки о действующих лицах «Рекламщиков», то в который раз убедился в такой неприятной закономерности: значительная часть описываемых мною персонажей, как в этом, так и в предыдущих рассказах, словно в воду канули. Ни в соцсетях, ни где бы то еще они не засвечены. И только расходятся круги по воде от весла мрачного паромщика, плывущего по реке времени.

Так и в этот раз я не нашел никаких сведений о Саньке Рукавицком и Маришке Клюевой. Хотя первые годы, после ликвидации «Арлекина» в мае 2007-го, я встречал их обоих в городе. При каждой встрече с Рукавицким оказывалось, что он снова сменил работу, а его затравленный вид внушал мне беспокойство за его дальнейшую судьбу.

Маришку я видел один только раз в ТРЦ «Рио» в кафе с пухлым мальчиком лет пяти, лицом, как две капли похожим на ее бывшего директора. Мальчик болтал ногами, сидя на высоком стуле, дергал плечами, будто в танце, и вымачивал кусочком пиццы остатки кетчупа на одноразовой тарелке.

А вот Могилевский с Твердохлебовой вернулись на круги своя. После банкротства «Арлекина» Михаловна открыла турагентство «Вояж», но прогорела в 2014 году. Она снова стала домохозяйкой и теперь часто гуляет с внуками в Парке Победы у Везелки с таким же кислым, злым лицом и красными глазами.

Ее бывший компаньон Васильич накуролесил в родном городе так, что почел за благо стать внутренним гастарбайтером. Теперь он живет в Москве и трудится в типографии простым рабочим. С чего начинал, к тому и пришел. Вот только его безответственное путешествие во времени принесло много горя и страданий людям, связавшим с ним свою судьбу.

Сам я за это время сменил несколько работ. Ситуация, знакомая каждому молодому человеку. Ты веришь, что где-то есть и достойная зарплата, и человеческое отношение к сотрудникам. Однако со временем понимаешь, что это не про современную Россию. «Великая криминальная революция» подняла с мутного дна множество хабальщиков и хабалок, ставших неотесанными коммерсантами. По законам любой цивилизованной страны, в том числе и часто поминаемого в последнее время СССР, деятельность российских предпринимателей подпадает под статью о спекуляции, потому что их нормы прибыли в десятки раз превышают общемировые. Но такое ненормальное положение дел, когда для спекулянтов создан рай, а для всех остальных ад, не может продолжаться долго, потому что «всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет, и всякий город или дом, разделившийся сам в себе, не устоит».